

Я или изменю эту жизнь, или она не нужна мне даром

Дерябина я доставала неделю. Девичий голос в телефонной трубке всякий раз щелбетап про «его нет дома», про «не может подойти», про ванну, в которой минимум час будет плескаться, а потом мгновенно уедет. Наконец, меня спросили, зачем он мне — «по личному или как!»

Наутро в доме на Пречистенке в квартире без номера парилос человек пять в ожидании подъема. Наконец, из комнаты прошмыгнула одна девица, вторая, третья, — кто в ванную, кто к нам, на кухню — за юбкой... Хорошо поставленный голос властно прикрикнул, и дапочки вмиг рассосались по квартире. Распутин, мелькнуло в голове.

Сам он вышел высокий, лучезарный, в белоснежной рубашке навыпуск, с белозубой улыбкой... Точно, Распутин. «А мы все вчера поздно домой вернулись — были на юбилейном вечере оркестра «Баян», пришлось у меня заночевать».

Александр Михайлович Дерябин знает про «как не стареть» и про «как помолодеть». Он книгу написал — она бестселлер. Ее весь Запад перевел. Там хотя бы еще здоровее, еще краше, еще товарней.

— Александр Михайлович, как случилось, что вы, профессиональный певец, стали открывателем чудодейственного «виватона»?

— Жил полной жизнью. Занимался спортом, любил теплые компании... А потом все как-то быстро начало выходить из строя: язва желудка, порок сердца, туберкулез. Врачи предложили операцию на легком, успешный исход не гарантировали. Я тогда учился на вокальном отделении института имени Гнесиных. Представляете, что я почувствовал: певец с одним легким? Все равно, что балерина без ноги. Пока лежал в больнице, переворочил горы литературы, от операции отказался. Стал изучать траволечение. Потом мне повезло — судьба свела с академиком Виталием Васильевичем Караваяевым. Семь лет я посвятил биохимии, ни на что не отвлекался. Теперь я уже профи.

Я хочу, чтоб все поняли: нет лекарств от сердца, печени, головы... есть одно: материал, который восстанавливает истощенную мембрану клетки. Как только мы ее восстанавливаем (только клетку, а не вирусы и микробы параллельно, как это делают иммуностимуляторы типа мумиё) — клетка сбрасывает любую патологию!

Йоги еще в древности знали, что более 7—9 трав со-

единять не на спиртовой основе нельзя, они дают большой осадок и токсические вещества. Я соединил 46 растений — это и есть виватон. У меня его несколько модификаций: пленка, свечи, гель, крем, шампунь, зубная паста.

— Что будет с человеком, который пользуется вашим кремом?

— Если он прошел курс массажа с гелем, то он будет фантастически молодеть.

— Сколько вам лет?

— 49.

— А на сколько вы себя ощущаете?

— Если по молодости я не спал две ночи, а днем работал, то на третьи сутки умираю: слабость, дрожат руки. А сейчас, к примеру, я месяц ставил опыты, и ни разу не лег спать. Ничего, выдерживаю.

— Что такое «система Дерябина»?

— Переход на систему начинается с клинического и биологического анализов крови, а также кислотности желудочного сока. При отклонении формулы крови, недостатке в ее составе тех или иных элементов — белков, жиров, фосфора, железа — мы сможем сбалансировать состав крови, приведя к норме за счет траволечения. Необходимо преодолеть в своем сознании некоторые стереотипы. Во-первых, исключить из рациона продукты брожения

и прежде всего дрожжи (перейти на бездрожжевой хлеб). Во-вторых, употреблять все продукты только в натуральном виде или обработанные на пару. Ну и, конечно, нельзя жить похотами, в том числе и в питании. Принимать пищу только в том случае, когда появляется потребность в ней (сосет под ложечкой), а не желание. Желание — похоть.

— В вас, мне кажется, есть какая-то деспотичность... Может, вам следует есть мяса еще меньше?

— Ну какой я деспот?! Я, знаете, какой... Вот недавно я снялся в фильме «Господи, услыши молитву мою» у Натальи Бондарчук. Играл там своего далекого предка князя Савёлова. Это рассказ «Зверь» по Лескову, хотя предок мой не был таким жестоким. Чтобы вы представили, что это был за человек: несет холост мешок муки. Порвал его, мука сыплется, но он продолжает идти и рвать мешок. Так его будут пороть жестоко — за то, что он, негодий, не дорожит трудом людей. А другой — мешок зацепил, видит, мука посыпалась, так он этот мешок вот так, как ребенка, на руки взял. Князь ему давал вольную! Когда Наталья мне это рассказала, я сразу согласился сниматься, потому что это я.

После этого фильма я снялся в роли Шалапина в «Не-

сравненной». Я не могу сказать, что я его изучил, но очень много о нем читал, мне кажется, я его кожей чувствую. Мой кумир. Конечно, мне вот это интересно. А то, чем я занимаюсь, — моя боль... Ведь уже на втором курсе я был статистом Большого театра и репетировал Бориса Годунова и Малюту Скуратова. Но судьба распорядилась иначе, и я об этом нисколько не жалею.

— Вы живете завтрашним днем?

— Сегодняшним. Каждый день я должен делать в 100 раз больше, чем раньше. Иначе эту рутину не победить. Меня умудрили уже трижды порезать и дважды подстрелить, но они не понимают, что человеку, который сто раз умирает, в сто первый раз уже не страшно. Я смерти не боюсь. Я или изменю эту жизнь, или она мне задаром не нужна.

— То был не праздный вопрос: считается, что русский человек никогда не живет настоящим, только будущим: ради «светлых идеалов», последующих поколений... Поэтому у нас и дома то нормально нет, и обустроенной комфортной жизни.

— Я вот зарабатываю немного и тут же вкладываю эти деньги. Это моя недвижимость. Если я люблю кого-то или хочу поддержать что-то большое, то долго не думаю. Был у меня микровавтобус, я его вчера подарил... Но я несколько лет сидел без горячей воды, потому что не мог изменить эту систему отопления. В шубе спал, времени не было, да и денег.

— Кому вы подарили автобус — кого так любите?

— Народного артиста России Анатолия Полетаева (оркестр «Баян»).

Я знаю — чем жестче и строже буду жить, тем больше сделаю: сытый голодному не внемлет. Вот на вечере Полетаева вышел один, начал пропагандировать систему Бутейко...

— Свой круг. Кто входит в ваш? Чем дорожите?

— Валерием Брумелем, лучшим спортсменом всех времен и народов. Люблю Александра Медведева, трехкратного олимпийского чемпиона. Люблю Евгения Догу. Дружу с семьей Райкова, директора оперы Большого театра. Его супруга мне много аккомпанировала. Горжусь дружбой с Анатолием Полетаевым. С этими людьми я просто отдыхаю.

— Что такое для вас судьба?

— Я часто бываю на конгрессах и, увы, вижу там больше ржанных. Так они себя носят, такая самость! Ну дал мне Бог таланта. Подфартило. Радуйся, благодари судьбу. А мог бы запросо на этом месте быть другой. Мне это помог понять случай. Как-то мы приехали с Большим театром в один районный центр, там в клубе самодеятельность. Выходит здоровый такой парубок и начинает под баян исполнять арию Бориса Годунова. Я сижу и думаю: Господи, что же я делаю, зачем учусь, — а до этого гордился своим голосом, мне приятно было слышать шушуканье типа: кабы ему (большому, народному артисту) дерябинский голос. Я пошел за сцену — достал парня. Он пригласил меня в гости, накормил блинами. Я говорю: Василий, понимаешь, как тебе надо учиться, дурачок? А он возил начальника милиции. Начинаю его уговаривать: у тебя же царский бас! Он бежит этой темы. И вот он меня провожает — темень, снег идет, и вдруг говорит: знаете, Саша, я очень хочу учиться. Но у меня больная мать, и она у меня одна. Я думаю: вот она, судьба! Я, сучье отродье, учусь, а он в сто раз меня талантливее, сидит со своей матерью и милиционеру возит.

Я вижу чуму нашего времени — меня это убивает. Поэтому живу один. Живу, чтобы работать и чем-то людям помочь.

Гузель АГИШЕВА.

Фото Максима МАРМУРА.